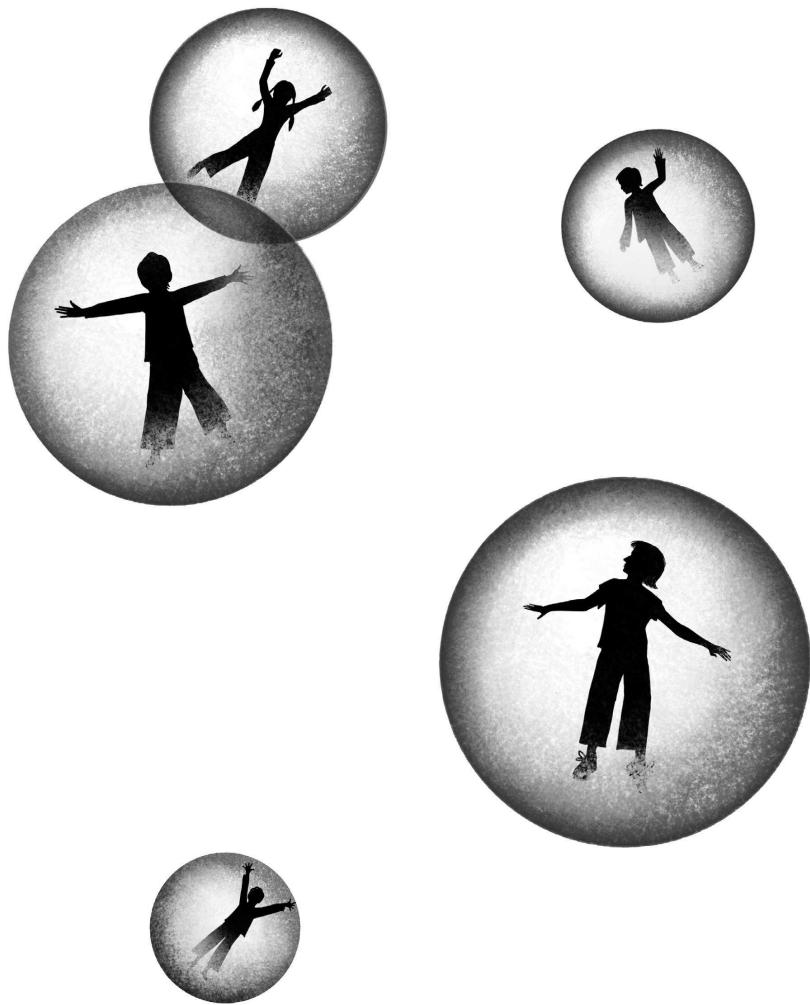

Родителям, Нике и Олегу —
я рада, что вас выбрала.

Сыну — надеюсь, ты рад, что нас выбрал.

Татьяне Карповне Черной
и всем моим Смотрителям
с благодарностью и любовью

ВОСЬМЁРКА

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Первый раз я не Появилась одиннадцатого января.

Когда число выбирали, этот наш дедулечка, Старший по датам, сразу сказал: «Хорошо, как Лермонтов Родишься».

А мои родители одиннадцатого поссорились. Всё с Нового года что-то выясняли, выясняли, а тут прямо с утра мама возьми и заяви: «Мне нужно подумать». А папа молчит. Я ему кричу через свой экранчик:

— Пап, ну ты что! Ты же постоянно в ноутбук тарачишься! В этом твоём Интернете на каждом углу кричат, что нельзя женщине давать думать. Мама собралась и ушла. Чего доброго, к бабушке пойдет. Я бабулю люблю, конечно, но она как губы подождет — мол, я же тебе говорила...

Вчера Настя, эта дура из соседней капсулы, Появилась. Мы с ней как-то разговорились, я ей и рассказала, что буду новое лекарство изобретать. Так она мне заявляет: «Мои в отпуск на моря поехали. Чувствую, пока ты Родишься, я твоё лекарство уже запатентую». И язык показывает. Сейчас уже, наверное, мамин голос слушает.

Мария Якунина

На лекциях я многое мимо ушей пропускала, но тут прямо в голове начал жужжать голос одной из Старших: «После двух неудачных попыток Появления вы отправляетесь на Распределение».

Мам-пап, не надо, а? Видела я этих распределенцев...

Глава 2

Сегодня пошла выбирать новую дату.

С утра включила экранчик для вдохновения. Вдохновляться, правда, особо нечем. Мама вчера пришла поздно и весь вечер с папой не разговаривала. Ходила по дому и демонстративно напевала что-то. Папа упрямо смотрел в ноутбук. Я тоже заглянула — что такого интересного? «Футбольное обозрение»... Не понимаю, что там можно обозревать. Он и футбол-то никогда не смотрит. Потом мама накрыла на стол, и они так же молча поужинали.

Сегодня ничуть не лучше. Папа за завтраком буркнул:

— Что, так и будем молчать?

А мама ему очень весело из кухни:

— Молчи, скрывайся и таи и чувства, и мечты свои.

Я не поленилась, полезла в наше Хранилище, почитала. Сомнительная жизненная концепция, особенно учитывая биографию этого Тютчева. Попробовала

ВОСЬМЁРКА

разобраться в его женах и детях — запуталась (ну и имена у них там, кстати, были — Эрнестина, Элеонора, Гортензия — Лизке расскажу, обхохочемся. Нам тут пока хорошо, сами себе имена выбираем, а вот когда родимся, как обзовут нас какими-нибудь Мирабеллами, и красней потом всю жизнь). Пока я про этого поэта с двадцатью женами читала, мои стали в таком же молчании на работу собираться.

Ну и ладно. Без них обойдусь. Вот сейчас пойду и выберу самую правильную дату. И никуда они уже не денутся. По-хорошему, надо бы к Лизке зайти, посоветоваться. Она ж у нас жутко умная. Все лекции по выбору родителей слушала внимательно, все записывала, отмечала. С личными архивами целый месяц сидела. Все что-то сравнивала, высчитывала. А я как своих увидела на экранчике, так сразу и заорала: «Вот эти!» Тетенька с Распределения на меня очень недовольно посмотрела и говорит так строго:

— Попрошу вас говорить тише и вести себя спокойней.

Я вспомнила, что нам на уроках по этикету общения говорили (ну, точнее, мне Лизка потом пересказывала, на самом уроке я под партой про пингвинов читала — случайно попала в ячейку в Хранилище, не оторвешься. Родителям бы тоже не мешало почитать, как друг к другу надо относиться).

Постаралась сделать такое же лицо, как у ангелочков на рождественских открытках, которые накануне

в Хранилище рассматривала. И говорю, как Лизка, тихим, смиренным голосом:

— Прошу прощения. Давайте продолжим.

Но я-то имела в виду — продолжим этих родителей смотреть, а она возьми и перелистни на следующее изображение. Я перепугалась, что мы их сейчас потеряем, и опять как заору:

— Нет, нет, не этих! Вон тех верните!

Она тогда вздохнула и что-то у себя на экране посмотрела. Потом так грустно на меня взглянула и говорит:

— Хотите ознакомиться с личным делом? Могу предоставить в распоряжение на сутки.

А я ни с каким личным делом знакомиться не хотела. Что там читать? И так ведь понятно, что вот эти — самые лучшие. Я когда увидела, как они идут по улице, обнявшись, сразу поняла, что только меня им и не хватает.

Но тетенька почему-то еще раз очень тяжело вздохнула и поставила галочку в своем журнале.

— Всё,— говорит,— идите.

Я спрашиваю:

— Как это, идите? Я без этих родителей никуда не пойду! Выдайте мне на них разрешение.

Она уже не сердилась совсем, даже улыбнулась.

— Разрешение будет выписано в течение дня. Ожидайте появления специального приложения на вашем экране. В случае принятия решения об отказе от заявки...

ВОСЬМЁРКА

Но я ее не стала дослушивать. Крикнула «спасибо» и со всех ног помчалась в капсулу. Весь день просидела у себя, даже к Лизе не ходила и в Хранилище ничего не смотрела. Все ждала, когда появится приложение, экран из рук не выпускала. Волновалась ужасно — вдруг тетенька что-то перепутала? Вдруг мою заявку потеряли. Или еще хуже — не одобрили.

Но тут экранчик замигал голубоватым светом, и под кнопками «Хранилище» и «Помощь» появилась еще одна, с красивой витой рамочкой. У меня так дрожали руки, что я никак не могла на нее нажать. А когда наконец попала по кнопке «Родители», мне вдруг сразу стало легко и хорошо, потому что я увидела, как мама с папой сидят на диване и смотрят какой-то фильм. В комнате было темно, только маленькая уютная лампа в виде изогнутого фонаря горела на столе. И лица у них в свете этой лампы были такие...

В общем, я, наконец, поняла, что такое счастье. А то в Хранилище об этом написано как-то непонятно.

Глава 3

По дороге в Центральное Управление все-таки решила зайти к Лизе. Наверное, на самом деле я очень боялась снова идти к доброму дедушке. Один раз уже не получилось, а три шанса дают только в сказках,

которые нас заставляли читать на занятиях «для формирования общеантропологического представления». Не знаю, у меня ни обще, ни конкретно, никакого антропологического представления не сложилось. За исключением того, что не стоит разговаривать со старушками, обитающими в избах на курьих ножках. А Лизка говорит, что я просто несознательно подошла к освоению материала.

В общем, к Лизе я шла не в самом лучшем настроении. Чтобы хоть немножко развеяться, решила пойти длинной дорогой — мимо капсул с Появившимися. И хотя нас оттуда гонял Смотритель — дядечка со строгим голосом и очень добрыми глазами, я все-таки часто пробиралась к капсулам и подолгу смотрела на тех, кто скоро должен был Родиться. Они безмятежно болтались в невесомости с закрытыми глазами и почти все время улыбались.

Я переходила от одной капсулы к другой и с завистью разглядывала Появившихся, мягко покачивающихся в воздухе. Многие попали в наше Управление позже меня. И вот, пожалуйста, дату выбрали верно и уже через несколько месяцев Родятся в своих семьях. Конечно, мне не очень нравилось, что как только ты Появляешься, начисто забываешь все, что успел усвоить из Хранилища. Как-то я спросила у преподавательницы по тем самым «Основам антропологии», зачем нам вообще дали доступ к Хранилищу, если мы забудем все-все, что было от Появления до Рождения. Она, как всегда, ответила загадочно:

ВОСЬМЁРКА

— Чем больше успеете усвоить, тем лучше потом будет вспоминаться. Иначе станете теми, про кого говорят: «Не знал да еще и забыл».

Лизка немедленно это себе куда-то записала, а я только плечами пожала — сплошные тайны.

Девочка Женя — самая тихая и грустная из нашей группы — Появилась совсем недавно. Она была очень красивая и напоминала девушек с картин любимого Лизкиного художника (то ли Моне, то ли Мане — я вообще в них не разбираюсь. Когда пыталась объяснить Лизке, кого имею в виду, вообще сказала «Мунк», и она почему-то долго улыбалась этой своей выводящей из себя всезнающей улыбкой).

В отличие от мальчика из соседней капсулы, который весело подлетал в своем стеклянном домике, Женька и сейчас казалась печальной. Она постоянно поворачивалась с боку на бок, как будто ей было очень неудобно. А потом произошло что-то странное: Женька сильно дернулась, резко села в своей капсуле, открыла глаза и посмотрела прямо на меня. Ее лицо перекошилось от ужаса, и было похоже, что она хочет закричать. Может, она и кричала, но сквозь толстую стенку капсулы ничего не было слышно. Женька все смотрела и смотрела на меня, а потом ее стало подбрасывать вверх, и она несколько раз ударилась о потолок, а потом об стены. Я хотела позвать кого-нибудь на помощь, но тут вся Женькина капсула замигала красным светом. И через несколько секунд к ней уже бежали Смотритель и